

Священник Павел Хондзинский

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ
И МИТРОПОЛИТ ПЛАТОН
(к истории раннего Слова святителя
Филарета в Великий пяток 1806 года)

У всякого погружающегося в изучение богословского наследия святителя Филарета рано или поздно возникает вопрос: откуда «все сие» у сына коломенского диакона, обучавшегося в старой русской духовной школе, схоластические недостатки которой давно уже и строго осуждены XX веком? Что в русской жизни породило этот свойственный, скорее, церкви греческой тип «святого философа-богослова»? Кто был его духовным водителем и старцем? Где тот достойный его предшественник, на пример и заветы которого мог бы он опереться, начиная собственный путь? И первый, к кому обращается мысль в поисках ответа на эти и подобные вопросы, будет, конечно же, не кто иной, как митрополит Платон, так пронизательно и скоро оценивший своего юного ученика.

Сопоставление личностей двух великих иерархов не ново. Еще до революции на эту тему написаны были статьи А.А. Беляева «Платон и Филарет»¹ и В.П. Виноградова «Платон и Филарет, Митрополиты Московские: сравнительная характеристика их нравственного облика»². Обе, хотя в них и не затрагивались богословские вопросы, ясно свидетельствуют, что уже ближайшим потомкам очевидна была из ряда вон выходящая значимость обоих святителей, и нельзя не согласиться с мнением В.П. Виноградова, что «Платон и Филарет – учитель и ученик, это как бы два великих солнца, пред которыми все другие деятели церковной истории нового времени только лишь звезды... Куда бы вы не обратили свой взор в современном строе русской церковной жизни, всюду и везде вы встретитесь с делом жизни

¹ Беляев А.А. Платон и Филарет // ДЧ. 1894. Ч. 3. № 12. С. 515– 525.

² Виноградов В.П. Платон и Филарет, митрополиты Московские: Сравнительная характеристика их нравственного облика // БВ. 1913. Т. 1. № 1. С. 10– 34; № 2. С. 311– 347.

Платона или Филарета, или обоих вместе... Попробуйте разоб-
ратить по ее составным элементам нашу наличную богословскую
науку, наличный строй духовной школы, наличный церковный
строй и вы откроете, что то идет от Платона, а то от Филарета...
дело Платона и Филарета лежит всюду краеугольным камнем»³.

Этой же теме 35 лет назад посвятил свой доклад на филаретовском вечере в Троице-Сергиевой Лавре Патриарх Алексий I. Отметив сходство «направления духовной жизни» обоих святителей, он закончил свое выступление пожеланием, чтобы написано было сочинение, «в котором бы раскрылись... узы духовного родства, положившие печать на их церковную деятельность и на все дела жизни их»⁴.

Такое сочинение, правда, и по сей день не написано, как, впрочем, не сделано еще многое по исследованию жизни и наследия этих двух великих деятелей нашей Церкви. Достаточно сказать, что мы не имеем на сегодня современного научного жизнеописания ни того, ни другого, равно как и исчерпывающего корректного изложения их богословских взглядов. И это еще наш долг перед прошедшими со дня кончины святителя Филарета почти полутора столетиями. Что же сказать о богословских задачах XXI века? На сегодня они могут быть только поставлены. Но первое, что, кажется, становится для нас очевидным с расстояния уж прожитого двадцатого столетия, это то, что представлявший-ся некогда равновеликим ученик на самом деле превосходит учителя, и может быть, именно в сравнении с последним и выступает особенно рельефно несравненная мощь филаретовского гения.

Известно, что уже в марте 1806 г. митр. Платон писал пресв. Августину Виноградскому: «А у меня появился отличнейший проповедник учитель Дроздов, я сообщу его проповедь, и удивитесь»⁵. Речь идет о проповеди в память освобождения Свято-Троицкой Лавры от врагов, произнесенной учителем еврейского и греческого языка Василием Дроздовым в январе того же года. Но замечательна не привлекавшая, как кажется, по

³ Виноградов В.П. Указ. соч. С.14.

⁴ Алексий I, патриарх Московский и всея Руси: Речь на филаретовском вечере в Московской духовной академии 14 декабря 1969 года // ЖМП. 1970. № 2. С. 44.

⁵ Платон (Левшин), митр. Из глубины воззвах к Тебе, Господи. М., 1996. С. 104 (далее — Платон, митр.).

сей день внимание история второй из известных нам напечатанных проповедей будущего святителя – история «Слова в Великий пяток» 1806 года, написанного 24-летним Василием Дроздовым на одно из семи крестных слов Спасителя: *Совершишася*.

Митрополит Платон

Как свидетельствует примечание издателей Слова, в рукописном сборнике, принадлежащем пресв. Павлу Черниговскому, к нему сделана была приписка: «Сие слово сочинено по назначению вСокопреосвященнейшего митрополита Платона и было испытательное»⁶. Приписка, однако, не объясняет нам, ограничивалось ли назначение днем произнесения проповеди или указывало также и текст, на который Слово должно было быть сочинено. Последнее, впрочем, маловероятно, так как некогда сам митрополит Платон произносил Слово на тот же текст и вряд ли мог требовать от своего ученика сознательного соревнования с собой. Тем знаменательнее, что ученик сознательно же,

⁶ *Свт. Филарет, митр. Московский. Творения. Слова и речи. Т.1. М., 2003. С. 127. Репринт (далее – Творения).*

очевидно, дерзнул на него. Сравнение обоих текстов между тем весьма поучительно.

Слово митрополита Платона произнесено им в Великий пяток 1767 г., в первый год его наместничества в Лавре, в присутствии Ее Императорского Величества. Оно построено в привычной для него манере: избранный текст Писания сперва исчерпывающим образом объясняется слушателям с точки зрения вероучительной, затем следует «нравственное приложение догмата». Так и в указанном Слове проповедник объясняет, что слово Спасителя означает: 1) «Совершились все Спасителя нашего страдания»⁷; 2) «Совершились... все дела великого посольства его. Волю небесного Отца открыл, истину всем благовествовал, от заблуждения отвел, основал славную церковь... а наконец все сие запечатлел кровию своею, и чрез то примирил небо и землю»⁸; 3) «Исполнилось чаяние всех народов, ощущающих потребность в примирении с Богом; 4) Совершились, т.е. исполнились, все пророческие предсказания и проображения; 5) «Окончание получил и сам закон»⁹, ибо Христос есть исполнение его; 6) Совершилось наконец и милосердие Божие, ибо оно более, чем в крестных муках Спасителя, ни в чем обнаружено быть не может.

За сим следует мораль: все совершил Спаситель, но если вера и любовь в нас еще не совершенны, можем ли и мы сказать *Совершишася?* Шести пунктам учения в первой части соответствуют шесть вопросов второй:

«Своими пороками не уязвляешь ли ты совершившего Свой страдания Господа?

Не противишься ли словам посольства Его?

Исполнившееся чаяние языков отзывается ли и в сердце твоём?

Исполнившиеся предсказания пророков привели ли тебя к познанию истины?

Совершились определения Божия. Так привел ли ты добродетель свою в такое состояние, чтобы написанну тебе быть в книгах живота?»¹⁰

⁷ Платон, митр. С. 116.

⁸ Там же. С.117.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ Там же. С.119.

Совершившееся милосердие Божие понуждает ли тебя все сделать, чтобы быть достойным его?

Если сделал, что мог, а неисполненное покаянием исправил, то услышишь глас Спасителей: *вниди в радость Господа твоего*. Если нет – осужден «испить чашу нескончаемой горести». Но чтоб не коснулись нас такие слова, покаемся, а смерть Господня, приведшая нас к вере и вечному с Богом завету, да споспешествует нам «веру сию, сей завет до конца непорочно соблюсти; чтоб мы достигши последнего часа нашей жизни, достигши же и до возможной нам степени добродетели, могли (со Христом) сказать: *Совершишася*»¹¹.

Таково слово митрополита Платона: симметричное по форме, живо и доступно изложенное, не погрешающее против Евангельской истины, но и не отягчающее чрезмерной резкостью обличений слуха высоких Особ. И во всех этих своих качествах оно вполне типично для него, и наряду с многими другими подобными принесло ему заслуженную славу блестящего проповедника. Тема раскрыта им, как кажется, вполне исчерпывающим образом, и поистине немалым дерзновением надо было обладать ученику, чтобы вступить в состязание с учителем в его же, так сказать, «владениях».

Однако он делает это, не пытаясь подражать, но сразу перенося действие Слова в иной духовный план: «*Совершишася!* Возопил Иисус на кресте и возопил *гласом велиим*, дабы он слышался в небесных и земных и преисподних... О Распятый! Мы и в отдалении многих веков слышим вопль Твой, видим язвы Твои – и оружие скорби сердце наше проходит... Какой ужас! Кажется, ад радостно скрежещет, и гордый враг наш хочет уверить себя и своих единомышленников, что *все совершилось* – значит *все погибло!*»¹².

Где же следует искать таинственный смысл крестного слова Спасителя, ибо Сам Он уже *преклонь главу, испустил дух* и не отвечает нам? «Мы находим его пространное изъяснение, начатое в *книге бытия человеческого* и оконченное в *книге жизни Иисусовой*»¹³.

¹¹ Платон, митр. С. 120.

¹² Творения. С.121– 122.

¹³ Там же.

Следует сразу остановиться, чтобы отметить чисто филаретовский ход мысли в последней фразе. Ведь и *книга бытия человеческого* и *книга жизни Иисусовой* суть цитаты (первая точная, вторая – скрытая: как это явствует из дальнейшего – имеется в виду *книга родства Иисуса Христа*), цитаты, отсылающие нас столько же к конкретным текстам Писания, сколько и к реальностям мировой истории. «Тварь поставлена на алмазовом мосту творческого слова Божия»¹⁴, – скажет позднее святитель, но то важно, что это переживание прямой соотнесенности слова Божия с жизнью приходит к нему уже в юности. И учитель его, Платон, любил приложить к русской действительности слово Писания и воскликнуть при случае: «... сбилось на нас самым делом оное Божие Израилю Своему обетование: *Един из вас поженет тысящу и два тьмы*»¹⁵, – как делает он это в «Слове на торжество славного мира, празднованного 1775 года июля 10-го», но для него это аллегория и риторика, для святителя же Филарета – откровение вечной Премудрости, представившей «ученикам своим сокращение книги судеб в истории»¹⁶ ветхого Израиля. В эту книгу судеб, *книгу бытия человеческого* и погружается он теперь в поисках сокровенного смысла предсмертно-го вопля воплощенной Премудрости *Совершишася*.

Вся эта книга подобна изекиилевому свитку, где вписано было *рыдание, и жалость, и горе*. Человек ищет зла, человек обречен на гибель. Правосудие Божие не может оставить безнаказанным зла, милосердие Творца не может не преклониться к погибающей твари. Трагическое противоречие между первым и вторым неразрешимо человеческим разумом, но если бы Премудрость Божия не знала средства преодолеть его, то в предвечном совете и не было бы сказано *сотворим человека*. *Книга жизни Иисусовой* указывает нам это средство. «Он – Бог, чтобы иметь силу понести на себе немощи человеческие; Он – человек, чтобы соделать человекочастниками божественного естества... Наконец, Он есть вечная любовь, низшедшая соединить с собою отчужденных от нее грехом смертных, удовлетворив за них Небесному правосудию»¹⁷.

¹⁴ Творения. Т. 3. С. 436.

¹⁵ *Платон, митр.* Творения: В 20 т. М., 1780. Т. 3. С. 83.

¹⁶ Творения. Т. 3. С. 142.

¹⁷ Там же. С. 123.

Последняя фраза невольно напоминает, что во многом с легкой руки митрополита Антония Храповицкого учение об исполнении на Кресте правосудия Божия было отнесено православленным богословием XX века всецело к западной схоластической традиции. Сейчас не место говорить о том, к каким крайностям привело самого митрополита Антония стремление полностью отказаться от него, но нельзя не отметить мысль, которой будущий Московский святитель восстанавливает равновесие в антиномии Креста: «Сие титло, – говорит он, – содержащее вину невинного, сии служители мстящих законов, сие орудие казни – все сие произвольный Страдалец собирает окрест себя для того, чтобы напомнить нам определение Вышнего судилища, которое исполняет земное неправосудие, в слепом неведении водимое одною злобой»¹⁸. Иными словами, сама смерть, избранная Спасителем, смерть несправедливо, но *по закону* осужденного преступника, указывает нам на то, что и Божественное *Правосудие* свершилось на Голгофе. Но, конечно же, не только оно. Жертва голгофская есть жертва любви. «У креста Твоего *милость и истина сретостяся*; у гроба Твоего *правда и мир облобызастяся*. Совершишася!»¹⁹

Таков первый ответ. Немаловажно, что хотя сам метод толкования вполне отвечает правилам экзегезы того же митрополита Платона, требующим, чтобы Писание истолковывалось прежде всего исходя из себя самого, через поясняющие друг друга места, но среди многих цитат из Писания, приведенных в Платоновой проповеди для истолкования Спасителя слова, нет этого стиха из 84-го псалма. Между тем он так естественно сводит воедино и книгу человеческого бытия, и книгу жизни Спасителя, и неизбежность суда, и победу Божественной любви, *совершившуюся* на Кресте.

Но, быть может, ученик и не читал, и не знал вовсе слова учителя, написанного и произнесенного еще до его собственного рождения?

Читал и знал.

На это, как кажется, указывают два места в его собственной проповеди. В первом он также говорит о *посольстве* Спаси-

¹⁸ Творения. Т. 3. С. 124.

¹⁹ Там же.

теля. Только если учитель под посольством понимает собственно все, совершенное Христом, то ученик, уже раскрывший примирение земного и небесного спасительною Кровью, здесь оставливается на итоге словесного служения Спасителя – проповедью Царства: «...наконец победил Он неверие и торжественно исповедался Отцу Своему: *Аз прославих Тя на земли; дело соверших, еже дал еси Мне; явих имя Твое человеком. Я... вместо имен, коими доселе земнородные называли Тебя, и которые приводили только их в трепет, открыл им сладкое имя Отца.... Я достиг цели моего посольства. Совершишася!*»²⁰.

(У Платона «параллельное» место звучит так: «Волю небесного Отца открыл, истину всем благовествовал, от заблуждения отвел, основал славную церковь... а наконец все сие запечатлел кровию своею, и чрез то примирил небо и землю... И для того сам Спаситель, отходя к испитию смертной чаши, говорил к Отцу своему: *Отче! Дело соверших, еже дал еси мне, да сотворю. А на кресте в том же разуме возопил: Совершишася*»²¹.)

Видим, что, даже цитируя тот же Евангельский текст, святитель прочитывает его по-своему: конечно же, не случаен сделанный им акцент на имени, которого нет у Платона, во всяком случае в этой проповеди, хотя можно думать, что пищу для ученика дало здесь позднейшее, на Рождество 1800 года Слово учителя²².

После всего сказанного вряд ли кто-то удивится тому, что и вторая, обращенная уже непосредственно к слушателям часть проповеди немало разнится от своего прототипа.

Начинается она, правда, тоже вопросом: «Отчего же еще не все наслаждаются плодами подвига Иисусова?» Однако, в отличие от вопроса собственно и ограничивающегося Платона учитель Василий Дроздов дает прямо неутешительный ответ: «Паки оставленную добродетель окружают противные полчища... Паки святой предается нечестивому суду – суду неочищенного верою разума... Паки венчает Христа тернием – нега; напояет желчью и оцтом – невоздержание... (паки) воль-

²⁰Творения. Т. 3. С. 125.

²¹Платон, митр. С. 117.

²²Платон, митр. Творения: В 20 т. Т. 19. М., 1803. С. 274.

нодумство и неверие прободают Его сердце»²³. Но в конце – второе, почти дословное совпадение с Платоном: указание на тех, которые одни могут только при конце жизни своей сказать со Христом: *Совершилася!* – а вместе с тем указание и на то, что тема слова избрана юным проповедником отнюдь не случайно.

Остановившись на этом в кратком сравнительном анализе двух Слов, нельзя не признать, что ученик не только с честью выдержал испытание, предложенное ему учителем, но, пожалуй, и во многом превзошел его. К вящей славе учителя надо заметить, что зависть не коснулась его сердца. Ведь именно на рукописи этого Слова написал он по латыни: «Прекрасно! Заметь: прекрасно, так как мы знаем тебя за первого из проповедников в Лаврской семинарии»²⁴. Известно также, что и святитель Филарет всегда с любовью и благодарностью относился к памяти своего учителя, хотя его невольный отъезд в Петербург и омрачил их отношения.

Однако даже на этом маленьком примере видно: при множестве точек соприкосновения из Платона нельзя просто «вывести» Филарета. Это могло бы быть подтверждено и многими другими аналогичными сопоставлениями. Длительное пребывание обоих святителей на московской кафедре обязывало их проповедовать в дни одних и тех же храмовых и престольных праздников. Можно было бы взять для сравнения их Слова в дни Благовещения, Успения, на память царевича Димитрия, свт. Алексия, пр. Сергия – результат был бы тот же. Несравненная богословская глубина и поэтическое совершенство проповедей ученика только ярче проступают при сопоставлении с наследием учителя, хотя то тут, то там можно угадать и восходящее к Платону начало филаретовской мысли.

Пиетет перед Священным Писанием как важнейшим источником Откровения (в ущерб даже силе Предания), несомненно, воспитывался русской духовной школой XVIII в. вообще и школою митрополита Платона в частности. Но натяжкой было бы выводить непосредственно отсюда то важнейшее для святителя Филарета учение о творческой силе слова как образа

²³ Творения. С.126.

²⁴ Там же. С. 127.

«всеzijdительного» слова Божия, которое обнаруживается в основе большинства богословских построений святителя и которое во многом определяло и его мировоззрение вообще.

Восемнадцатое столетие часто укоряют за пристрастие к библейски-аллегорическому прочтению событий современной русской истории, как, например, в службе по случаю победы над шведами или в немалом количестве мест проповедей митрополита Платона. Как могло возникнуть из этого глубокое библейское богословие истории, которое мы находим в богослужебных текстах и проповедях святителя?

Собственно говоря, как ни странно, от любителя пышных служб и моралиста Платона гораздо проще было бы провести прямую линию к тому же митрополиту Антонию Храповицкому, но возвышающаяся между ними фигура святителя Филарета решительно не вписывается в естественно-историческую перспективу путей русского богословия. Он не сводим к сумме возможных влияний. Все существующее вокруг него в обиходе русской духовной традиции под резцом его мысли приобретает качественно иные совершенные формы, в которых подчас с трудом возможно даже и опознать исходный материал. В этом смысле у него не было предшественников, так же как, впрочем, и наследников.

Уже цитированный нами в начале В.П. Виноградов говорит: «Покой совести в сознании неленостно и неподкупно выполненного нравственного долга в отношении Божественного дара жизни – с этим идеалом предстоит Платон пред Богом и людьми. Но с этим же идеалом предстоит и Филарет. Оба они мужи нравственного долга»... но если для Платона общественная деятельность была родной стихией, то «настоящий суровый монах Филарет тяготился делами жизни общественной, как чуждыми бременами, отвлекающими его от созерцания лица Божия... но как тягота чужих бремени возложена на него Самим Богом, чувство нравственного долга запрещает сбросить ее с себя, чтобы идти путем более приятным по воле своей, и он стоит на страже церкви Московской и всей русской, как величаво-могучая несокрушимая скала»²⁵. Впрочем, заключает Виноградов, обаяние личности Платона теплее и ближе: сердце *молится Платону*.

²⁵ Виноградов В.П. Указ. соч.С. 342– 343.

Словам этим без малого 100 лет, одних из самых трагических лет в истории и Русской Церкви, и русского народа, и их жестокий опыт понуждает нас искать помощь и утешение не в просвещенной образованности и обаятельном прекраснодушии митрополита Платона, но в глубоких богословских прозрениях и строгой ревности *по Бозе* его великого ученика, за этой опаляющей ревностью чувствуя живительный огонь Божественной любви: сердце *молится Филарету*.